

ФРАГМЕНТ БИОГРАФИИ «РУССКОГО ЕВРОПЕЙЦА» (ИЗ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ П. Б. КОЗЛОВСКОГО И ДЕЛОВЫХ БУМАГ 1836 г.)

ВЕРА МИЛЬЧИНА, АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ

В заметке реконструируется — с привлечением неопубликованных материалов — закулисная интрига, развернувшаяся в 1836 году. После того как осенью 1835 г. Николай I произнес в Варшаве речь, в которой угрожал стереть этот город с лица земли в случае малейшего неповиновения со стороны поляков, в русских верхах сочли нужным каким-то образом загладить инцидент, враждебно воспринятый в Англии и Франции. В этих обстоятельствах Козловский, интеллектуал европейской выделки и просвещенный космополит, смог использовать свое знакомство с новым британским послом графом Даремом для того, чтобы в ходе дипломатических переговоров был решен вопрос о его причислении к канцелярии наместника Царства Польского фельдмаршала И. Ф. Паскевича. В июне 1836 г. Козловский отправился в Варшаву, где не упускал возможности содействовать смягчению репрессивного режима, установившегося после подавления восстания 1830–1831 гг.

Ключевые слова: Русско-польские отношения, император Николай I, Петр Козловский, Александр Пушкин.

Vera Milchina, Alexander Ospovat. A Fragment of the “Russian European’s” Biography (From Prince P. B. Kozlovsky’s 1836 Correspondence and Documents)

This article introduces unpublished material illuminating Russian imperial policies in Poland and the role of the diplomat Prince P. B. Kozlovskii. After the speech delivered by Nicholas I in Warsaw in 1835 threatening to wipe the city from the face of the earth in case of future insubordination was received with repugnance in England and France, the Russian court felt the need to smooth over the ensuing tensions. Prince Kozlovskii, an educated cosmopolitan and intellectual, used his acquaintance with the new British ambassador to Russia, Earl Durham, in order to secure the position of a counselor to the Viceroy of Poland, the Field Marshal Ivan Paskevich. In 1836, Kozlovskii embarked to Warsaw where he consistently worked to assuage the repressive regime put in place by the Russian authorities after the suppression of the rebellion of 1830–1831.

Keywords: Poland-Russia relations, Emperor Nicholas I, Piotr Kozlovskii, Alexander Pushkin.

1

Несколько персонажей этой истории появились в Петербурге почти одновременно — в конце 1835 г.

Князь Петр Борисович Козловский (1783–1840)¹, отставной дипломат Александровской эпохи, в 1813 г. первым из своих соотечественников удостоившийся в Оксфорде почетного доктората (по гражданскому праву [Simmons 1966: 146])², более двадцати лет отсутствовал в России, где его никто не ждал и мало кто помнил. В круг, условно именуемый пушкинским, он вошел по давним связям с Александром Тургеневым и Жуковским и недавнему знакомству с Вяземским; для Пушкина же Козловский оказался находкой: и как собеседник, обладавший редкостным интеллектуальным и культурным кругозором («Ценитель умственных творений исполинских / Друг бардов английских, любовник муз латинских...» [Пушкин 1937–1949. III: 340]), и как автор «Современника», дебютировавший статьей о математике, в которой, по отзыву строгого парнасского судьи, выказал «искусство русского слова» ([Дмитриев 1898: 71]; из письма Вяземскому от 4 мая 1836 г.). Неотправленное письмо Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Пушкин завершил признанием:

Читали ли вы 3-й № «Современника»? <...> Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором [Козловский *serait ma providence s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettres*] [Пушкин 1937–1949. XVI: 173].

Но сочинительство являлось тогда (как и всегда) лишь побочным занятием Козловского. Вернуться в Россию его побуждали недостаток средств и неудовлетворенные дипломатические амбиции. Глубокой осенью 1834 г., на пути в Петербург, он остановился в Варшаве; полученная здесь тяжелая травма задержала его на целый год. За это время Козловский сделался домашним человеком у фельдмаршала И. Ф. Паскевича (в сентябре 1831 г. пожалованного светлейшим князем Варшавским, а в марте 1832 г. назначен-

¹ Из литературы о нем см. в частности: [Вяземский 1882; Вяземский 1984; Струве 1950; Пугачев 1963; Френкель 1978; Мильчина, Осповат 1990; Козловский 1997; Мильчина, Осповат 1999; Мильчина, Осповат 2010]. Следует заметить, что политические статьи Козловского, публиковавшиеся в 1810–1830-х гг. (на французском и английском языках), фактически выпали из научного обихода, а из его обширного эпистолярного наследия, рассеянного по разным архивохранилищам, в печати известны лишь некоторые выдержки.

² В этой связи достойно особой отметки то обстоятельство, что Козловский, получив домашнее образование, более нигде не учился.

ного наместником Царства Польского)³ и в тех беседах, которые нередко велись «по несколько часов сряду далеко за полночь» [Вяземский 1882: 236], не упускал случая склонять наместника к снисхождению по отношению к полякам, пережившим разгром восстания 1830–1831 гг.⁴ Разговор заходил также и об официальном причислении Козловского к варшавской дипломатической канцелярии⁵, но дела такого рода входили в компетенцию высших петербургских инстанций, и затевать хлопоты предстояло в столице⁶.

Дальнейшее течение событий втянуло Козловского в политическую игру. Осенью 1835 г., примерно за месяц до его отъезда в столицу, Варшаву посетил Николай I. 4/16 октября депутация местного муниципалитета выслушала речь, в которой император потребовал отказаться от мечтаний о национальной независимости и угрожал стереть Варшаву с лица земли при первом случае неповиновения ее жителей⁷. Публикация одного из списков этой речи в “*Journal de Débats*” (30 октября / 11 ноября) скандализовала общественное мнение Европы: в императоре находили черты «допетровского варвара», усугубленные «умственным расстройством», «наследственным безумием» правящей в России династии⁸. Между тем парижский кабинет (герцога де Броя) и лондонский (виконта Мельбурна) удержались

---

³ Их знакомство состоялось в декабре 1818 г., когда великий князь Михаил Павлович, путешествовавший по Европе под именем графа Романова, и сопровождавшие его генералы Паскевич и А. П. Алединский остановились в Турине в особняке Козловского (который уже покидал должность полномочного министра при Сардинском дворе), а затем они все вместе отпраздновали в Генуе. См. письма Козловского К. В. Нессельроде от 7/19, 12 /24 и 18/30 декабря 1818 г. ([АВПРИ. Ф. Канц. Оп. 468. № 11298. Л. 203–203 об., 205–208]; ориг. по-фр.) и депешу французского посла в Турине герцога де Дальберга министру иностранных дел (и премьер-министру) герцогу де Ришелье от 9/21 декабря 1818 г. [МАЕ. *Correspondance politique. Sardaigne*. Т. 286. Fol. 117].

⁴ Свой взгляд на это восстание Козловский изложил при самом его начале — в письме Александру Тургеневу от 23 декабря 1830 г. из Лилля: «Если Николай Павлович не побьет <поляков>, то мы в грязи, а побьет, будут плевать в злобе на рабов татарских». И далее, имея в виду революцию 1830 г. во Франции и в бельгийских провинциях Голландии: «Мне французам было не жаль, не жаль было и бельгийцев, а русских и поляков — обоих жаль» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5083. Л. 314 об.].

⁵ По-видимому, именно в этом контексте следует рассматривать «Замечания на брошюру графа Гуровского» (“*Observations sur la brochure du comte Gurowski*”), составленные Козловским в первой половине 1835 г. [Миљчина, Осповат 2010].

⁶ 7 декабря 1835 г. Станислав Грабовский (министр народного просвещения Царства Польского в 1821–1832 гг.) писал Козловскому в Петербург: «Итак, постарайтесь поскорее отыскать себе место у нас...» [BN. NAF. № 16602. Fol. 363; ориг. по-фр.]

⁷ См. в его записке кн. А. Н. Голицыну, отправленной в ночь с 4/16 на 5/17 октября: «Сегодня читал горькую орацию полякам и высказал им всю матку правду» [Рос. архив 2011: 325].

⁸ Подробнее см.: [Миљчина 2004: 358–362]. Ср. [Lieven – Grey 1890: 168].

от жесткой реакции. К тому моменту франко-русские отношения были натянутыми, а британско-русские — конфликтными, но, поскольку дальнейшее обострение ситуации могло решительно изменить сложившийся на европейском театре баланс сил и интересов, оба кабинета предпочли выжидательную тактику, оставляя Николаю I возможность тем или иным образом сгладить впечатление от варшавского инцидента.

24 октября / 5 ноября 1835 г. в Петербург прибыл новый посол Англии — граф Дарем (John George Lambton, First Earl of Durham; в тогдашней транслитерации — *Дургам*). Летом 1832 г., занимая должность хранителя малой (тайной) печати в кабинете графа Ч. Грея, он уже побывал в России с целью достичь согласованной позиции по урегулированию отношений между Голландией и отложившейся от нее Бельгией, а также выразить обеспокоенность своего правительства репрессиями по отношению к полякам. Николай I, заранее настороженный выбором «лорда Дургам, того самого, который известен своим ультра-либеральством или попросту сказать якобинством»⁹, в итоге остался более чем удовлетворен контактами с английским гостем — тем более, что, известившись о ненависти русского общества к недавним мятежникам, тот рассудил не делать *официальное* представление (“*formal statement*”) по польскому вопросу, дабы не ухудшать положение дел в этой «несчастной» стране [New 1929: 210–212]¹⁰. По мнению биографа Дарема, его первый визит в Россию положил начало «странной дружбе между наиболее самовластным европейским монархом и самым радикальным демократом из числа британских министров» [Ibid.: 203]. «Не будь он монархом, а я просто частным лицом, я мог бы назвать его своим другом», — говорил Дарем в январе 1836 г. барону де Баранту (новому французскому послу в Петербурге), мотивируя свое согласие принять должность, «не подобающую» его высокому статусу во властных структурах [Varante 1895: 256].

8/20 ноября 1835 г. лорд Дарем вручил свои верительные грамоты Николаю I [Корсакова, Носков: 24], а 16/28 ноября граф де Серсе, поверенный в делах Франции, сообщил министру иностранных дел и (главе кабинета) герцогу де Брою, что император «обласкал» британского посла во время первой аудиенции, данной в Зимнем дворце [МАЕ. Correspondance poli-

⁹ Из письма Паскевичу от 28 июня 1832 г. [Щербатов 1888–1904. Приложения к т. V: 29].

¹⁰ Ср. письмо Николая I Паскевичу от 2/14 августа 1832 г., в котором английскому послу приписаны слова, лишенные всякого правдоподобия: «Здесь мы с Дургамом ладим очень хорошо; и про польские дела он решительно объявил, что не только не вмешивается, но по возвращении в Лондон будет доказывать всю нелепость и мерзость слухов, на нас клеветой распускаемых» [Там же: 35].

tique. Russie. T. 190. Fol. 273 v.]. В письме Паскевичу от 28 ноября /10 декабря, Николай I снова — как и в 1832 г. — выставил английского посла своим союзником:

Дургам ведет себя прекрасно и говорит, что ему, читая свои журналы [газеты; от фр. journal], стыдно быть англичанином; все им довольны, и он взаимно всеми хвалится [Щербатов 1888–1904. Приложения к т. V: 265].

Что же касается самого Дарема, то его впечатления от аудиенции граф де Серсе (в цитированной депеше) передал одной фразой: император «*трепещет* в ожидании английских газет» [МАЕ. Correspondance politique. Russie. T. 190. Fol. 273 v.]. Другие данные, которыми располагал Серсе, не оставляли в этом сомнений:

Говорят, сам император очень недоволен этой речью, и, как уверяют, искренне сожалеет о своей выходке. <...>.

Никто не скрывает, что император глубоко огорчен тем, что по собственной неосторожности оказался отторгнут всей Европой. <...>.

Император <...> гораздо больше дорожит своей репутацией в Европе, чем кажется ([Ibid. Fol. 273 об., 281, 286]; донесения от 16/28, 18/30 ноября и 25 ноября / 7 декабря 1835 г.)

В Петербурге, похоже, начали понимать, что нужен шаг навстречу, примирительный жест.

2

К 1 декабря 1835 г. Козловский наконец добрался до столицы. Более чем радушный прием в Михайловском дворце великого князя Михаила Павловича (см. примеч. 3) и великой княгини Елены Павловны¹¹ открыл ему доступ в столичные салоны — литературно-художественные, светские и дипломатические. И тот «дар слова», который «был в нем такое же орудие, такое же могущество, как дар поэзии в поэте, дар творчества в художнике» [Вяземский 1984: 155], он использовал в закулисных интригах.

Надо полагать, что Козловский не был осведомлен об активной деятельности лорда Дарема по сбору информации (в том числе секретной) каса-

¹¹ В письме Жуковскому от 28 декабря 1835 г. Козловский именует великую княгиню «Орлеанской принцессой наших дней» [РО ИРЛИ. Ф. 309. № 28091. Л. 3], будучи уверенным, что от адресата не укроется второй смысл этого комплимента — с Генриеттой-Анной Стюарт (1644–1670), дочерью английского короля Карла I, с 1661 г. женой Филиппа Орлеанского (младшего брата Людовика XIV), Елену Павловну сближали не только красота и изящество манер, но и заметное интеллектуальное превосходство над супругом.

тельно положению дел в стране его пребывания¹², но он несомненно знал о начавшихся переговорах между вице-канцлером Нессельроде и английским послом. В повестке дня — наряду с отказом Англии признать преференции, полученные Россией в результате Ункяр-Искелесийского мира с Турцией 1833 г., торговыми отношениями между двумя странами и иными предметами — значилась также ситуация в Польше, вызывавшая крайнее неудовольствие «правительства и народа Англии» [New 1929: 280–300; Ingle 1976: 58 *passim*]. Подход к этой теме лорда Дарема непосредственно отвечал карьерным видам Козловского, и, возобновляя свое знакомство с послом¹³, он начал формировать то, что мы сейчас называем группой поддержки. Возглавить же ее могло только одно лицо.

13/25 января Козловский писал Ф. И. Гильфердингу, директору дипломатической канцелярии при наместнике Царства Польского, несомненно рассчитывая на передачу Паскевичу:

... не могу <...> совладать со страстной, хотя, возможно, и безответной привязанностью к фельдмаршалу <...>. Теперь здесь ожидают двух событий: большого бала в честь императрицы у Воронцова¹⁴ и прибытия на Пасху князя Варшавского. Он вроде Ахилла: где бы он ни был, здесь ли, там ли, все о нем беспрестанно толкуют. Но никто с такой любовью о нем не помышляет, как я [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 47. Л. 25–26; ориг. по-фр.]

Если в процитированном пассаже подобострастный тон лишь слегка отзывается утрировкой, то, обращаясь непосредственно к Паскевичу, Козловский играет самыми разными красками из своей эпистолярной палитры, перемежая русский язык с французским, общие характеристики состояния государственных дел с имитацией небрежно-разговорного слога — и уснащая текст нарочитой лестью, балансирующей на грани издевательства.

Ниже приводится текст этого письма, на котором не выставлена дата, но, по упоминанию предстоящего на следующий день *бала у Бутеры*¹⁵, она не вызывает сомнений — 4/16 февраля 1836 г.

¹² См.: [Reid 1906: 28–37; Барабтарло 1996; Корсакова, Носков: 24–25].

¹³ Оно состоялось или в 1813 г., когда Дарем стал депутатом палаты общин по списку партии вигов, а русский дипломат сблизился с ее лидерами Дж. Каннингом и Ч. Греем (см. его письмо Нессельроде от 26 ноября / 8 декабря 1819 г. [АВПРИ. Ф. Канц. Оп. 468. № 10947. Л. 16–16 об.], или в 1829–1830 гг., во время пребывания Козловского в Англии, когда Дарем, член кабинета Грея, уже был женат на его дочери Луизе.

¹⁴ Имеется в виду бал, который давал в своем доме на Дворцовой набережной граф Иван Илларионович *Воронцов-Дашков* (1790–1854), с 1831 г. обер-церемониймейстер императорского двора.

¹⁵ О первом бале, который 5/17 февраля 1836 г. дали новый (с декабря 1835 г.) посланник королевства Неаполя и обеих Сицилий князь *Бутера* (George Wilding di Butera e Radoli; ок. 1790–

Светлейший Князь, милостивейший Государь,

Не могу упустить г. Головина¹⁶, не возобновив себя в Вашем дружеском и милостивом воспоминании, если оно еще ко мне существует. Я не смею просить о словечке ответа, но в залог, что я Вами еще не забыт, пришлите мне хоть сапог, как Карл 12-й своему Сенату¹⁷. Я все еще на одной палке ходить не могу, но старое мое знакомство с новыми здешними послами¹⁸ не позволяет мне почти одного дня оставаться дома, кроме еще обедов и вечеров уединенных Великой Княгини и кой-каких русских балов, которые, впрочем, болезнь Государыни¹⁹ прекратились. Завтра бал у Бутеры, но Юсупов от своего, кажется, отказался²⁰, и я ему советовал Вас дожидаться: «Я бы это сделал потому, что знаю высокую душу этого человека: все, что он может предпринять и обдумать и исполнить и потом даже красноречиво рассказать²¹. Наполеон бы это сделал, чтоб поклониться герою, который три совсем разные войны с равным блеском довершил²², всегда стоя впереди, а ты фигура придворная, сделай это для того,

1841) и его жена Варвара Петровна (урожд. княжна Шаховская; 1796–1870) в нанятом доме А. И. Остермана на Английской набережной, см: [Летопись 1999: 394; Хроника 2016: 425].

¹⁶ Головин Евгений Александрович (1782–1858) — генерал-лейтенант (с 1826 г.), в 1834–1837 гг. главный директор Правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского; замещал наместника во время его отсутствия в Варшаве. В Петербурге Головин находился с середины декабря 1835 г. (см.: [Щербатов 1888–1904. Приложения к т. V: 266]).

¹⁷ Согласно популярному преданию, в 1713–1714 гг., за долгим отсутствием Карла XII в Швеции, в Регентском совете «даже не вспоминали про него»; между тем король «почитал сие государственное собрание кучкой слуг, которым вздумалось командовать в доме, когда оттуда уехал хозяин. Карл написал им, что коли пожелали они быть правителями, то он пришлет им один из своих ботфортов, повелений коего и надлежит им слушаться» [Вольтер 1999: 213–214].

¹⁸ Знакомство Козловского с Барантом могло произойти в конце 1816 – начале 1817 г. в салоне г-жи де Сталь (ср.: [Дурьин 1939: 310]); тогда же он коротко сошелся с герцогом де Бромем (зятем г-жи де Сталь), близким другом Баранта (см.: [Козловский 1997: 133. Примеч. 74]).

¹⁹ См. в письме Николая I Паскевичу от 10 февраля 1836 г.: «Беременность жены моей кончилась весьма благополучно ничем...» [Щербатов 1888–1904. Приложения к т. V: 298].

²⁰ Балы, которые князь Борис Николаевич Юсупов (1794–1849) — единственный сын и наследник огромного состояния князя Н. Б. Юсупова — регулярно давал в своем дворце на Мойке, имели весьма высокий статус. В эти годы император, императрица и члены их семьи посещали только девять балов в частных домах (см.: [Корф 2010: 244–245]), причем между хозяевами этих балов только Юсупов не имел в 1836 г. должности — ни в военной службе, ни в придворной, ни в гражданской.

²¹ О *красноречии* Паскевича см. дневниковую запись барона М. А. Корфа от 8 декабря 1840 г.: «Из <Зимнего> дворца все проехали с приветствием к князю Варшавскому <...>. [И] тут он выказал во всем блеске свою застенчивость и обыкновенную неловкость. Разве только двум или трем из нас сказал он несколько несвязных фраз, а ко всем прочим подходил с простым поклоном и с ничего не значащею усмешкою» [Корф 2017: 169].

²² Имеются в виду русско-персидская война (1826–1828), русско-турецкая (1828–1829) и подавление польского восстания (1831). О том, как Козловский играл на амбициях Паскевича, уверовавшего в свой военный гений, свидетельствует следующий эпизод, переданный

что он единственный мочный, вот там-то наверху у салтыковского подъезда²³, все прочее трин-трава! — в самом деле? — точно так, спроси у Фикельмонши²⁴ и даже у папильки Головкина²⁵». — *Un tel argument est irresistible* [Подобный довод неопровержим. — *фр.*], и этим балом вы можете насладиться, если оный присутствия Вашего удостоится.

Мы здесь ожидаем речи Аглинского короля²⁶. Вообще мне кажется, что здесь внутреннее управление весьма улучшилось и систему политической экономики более, чем прежде, понимают; но не могу того сказать о внешних отношениях, ни об учебной части. Il y a des contre-sens visibles [есть очевидные бессмыслицы. — *фр.*]. — Французский посол принят милостиво и даже на бале у Олденбургского был облакан в тот самый день, когда получены статьи *Journal des Débats* о Варшавской речи²⁷, — англичанин плюет желчью без всякой меры²⁸; вы бы его трех дней не вытерпели, но он лично нравится, вытягивается и говорит, что дух времени требует говорить напрямиком. Он мне толковал, что дружба Ваша ко мне делает Вам величайшую честь и возвышает Вас в аглинских его глазах. Je croyais, говорит, que c'était un homme habitué de longue main au

в письме Ф. Скибицкого Вяземскому от 25 июня / 7 июля 1869 г. Однажды знатная польская дама послала Паскевичу «записочку по серьезному поводу на розовой благоуханной бумаге; наместник был разгневан неуместной формой этого прошения. — Но князь успокоил его: «Почитай она вас сераскиром, она бы смиренно молила о снисхождении на большом листе бумаги либо на пергаменте. — Она же видит в вас всего-навсего Тюренна или Конде — а эти великие полководцы любили получать записочки от дам»» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 54. Л. 31 об.; ориг. по-фр.].

²³ Салтыковский подъезд, выходящий в сторону Адмиралтейства, принадлежал к той части Зимнего дворца, которую занимала императорская фамилия.

²⁴ Фикельмон Дарья Федоровна (Фердинандовна; урожд. графиня Тизенгаузен; 1804–1863) — жена графа Карла Людвиг (Шарля-Луи) Фикельмона (1777–1857), австрийского посла в Петербурге в 1829–1840 гг.

²⁵ Граф Юрий Александрович Головкин (1762–1846) — обер-церемониймейстер в 1800–1820 гг., с 1831 г. обер-камергер. Фикельмонша и папилька Головкин иронически помянуты Козловским в качестве знатоков придворного этикета и великосветских обычаев.

²⁶ См. ниже.

²⁷ Первую аудиенцию в Зимнем дворце Барант получил 30 декабря / 10 января 1836 г. (см.: [Vagante 1895: 239–240]). Принц П. Г. Ольденбургский (1812–1881) давал бал 19/31 января 1836 г.; статьи в *Journal des Débats* (от 27 декабря / 7 января 1836 г.), полученные в этот день, были посвящены не *варшавской речи*, а дискуссии во французской палате пэров вокруг адреса королю, в ходе которой глава кабинета настаивал на невмешательстве Франции в политику других стран. Речь герцога де Броя с энтузиазмом восприняли в российских верхах, о чем 19/31 января Барант информировал де Броя [Ibid.: 273].

²⁸ В это время Дарем находился в очень подавленном состоянии: около 13/26 января 1836 г. он получил известие о смерти дочери Фрэнсис (последовавшей 6/18 декабря). Сам посол страдал от приступов болезни, но с «героической энергией» (по словам его жены) продолжал исполнять протокольные и светские обязанности. По поводу последних он писал лорду Грею: «Русское общество делится на танцоров и игроков. Поскольку я не принадлежу ни к тем, ни к другим, я лишний на их вечерах [I'm rather *de trop* at their *soirées*], но по необходимости туда являюсь» [New 1929: 283].

despotisme du commandement et qu'un homme tel que vous ne pourrait jamais ni lui convenir ni lui plaire. Passe pour un libéral renégat, mais de la dignité et de la vérité — ce sont des choses que ni Napoléon, ni Wellington n'ont jamais pu souffrir [Я полагал, что он человек, с давних пор привыкший деспотически помыкать подчиненными, и что такой человек, как вы, ни за что не сможет ни с ним поладить, ни ему понравиться. Не то беда, что перед ним раскаявшийся либерал, но достоинство и правдивость суть качества, каких ни Наполеон, ни Веллингтон стерпеть бы не смогли. — фр.]. Повергните меня к стопам княгини²⁹, et quelques mots de tendresse [и несколько нежных слов. — фр.] важной Радзивильше³⁰ и острой Вонсовичевой. Сию последнюю начали теперь мучить за сына, cela ne finit pas [конца этому не видно. — фр.]³¹. Не забудьте меня и при Губернаторше, которая, я думаю, еще белее, чем была³², — а более всего

²⁹ Княгиня — Елизавета Алексеевна (урожд. Грибоедова; 1795?–1856), жена Паскевича с 1817 г., статс-дама с 1829 г.

³⁰ Радзивилл Александрина Мишель (урожд. Стецкая; 1796–1864) — жена (с 1815 г.) князя Михала Гедеона Радзивилла (1778–1850), одного из главнокомандующих польской армией в эпоху восстания (с 23 января по 26 февраля 1831). Среди бумаг Козловского сохранилось письмо от 29 апреля 1838 года, которое П. П. Вяземский снабдил пометой: «Должно быть — княгине Радзивилл» «... Если Ваша благожелательность, Княгиня, столь далеко простирается, что я еще не наскучил Вам в Варшаве, благоволите оценить по достоинству лишения, на какие обрел я себя, дабы не давать злым языкам повода на меня клепать и мои же слова против меня толковать; лишения эти очень тяжелы, но я все снес и еще снесу, лишь бы не оставить свой пост в стране, где так тяжело жить и любя, и ненавидя» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 47. Л. 34; ориг. по-фр.].

³¹ Вонсович Анна (урожденная графиня Скумин-Тышкевич, в первом браке графиня Потockая; 1776–1867, Париж) — одна из наиболее колоритных фигур великосветских салонов Варшавы и Парижа, которую называли «польской княгиней Ливен» (из цитированного письма С. Грабовского — см. примеч. 6); автор посмертно вышедшей книги «Mémoires de la comtesse Potocka (1794–1820)» (Paris, 1897). Оказала деятельное сочувствие восстанию 1830–1831 гг., в котором приняли участие оба ее сына, Август (1806–1867) и Мауриций (1812–1879); в 1832 г. ее имение было секвестировано. 16 марта 1836 г. она писала Козловскому: «Вы знаете, должно быть, что мне хотят вернуть мои земли, но с обязательством выплатить долги, накопившиеся за четыре года» [BN. NAF. № 16607. Ф. 2530; ориг. по-фр.]. Ср. в Отчете III Отделения за 1836 год: «Госпожа Вонсовичева, которой имение было взято в секвестр за участие, принятое ею во время возмущения, получила имение то обратно чрез посредство статского советника Старинкевича, которому заплатила за то 20 тысяч золотых» [Россия под надзором: 148].

³² Губернаторша — скорее всего кружковое прозвище. (Генерал-лейтенант Н. П. Панкратьев, с 1833 г. занимавший должность варшавского военного губернатора, к этому времени был вдовцом.) Возможно, так именовали княгиню Александрину Зайончек (урожд. Перне; ок. 1754 – ок. 1847), вдову первого наместника Царства Польского (в 1815–1826 гг.) князя Юзефа Зайончека. В повести Бальзака «Дело об опеке», печатавшейся в газете «Chronique de Paris» как раз в январе–феврале 1836 г., она аттестована в следующих выражениях: «дожив почти до ста лет, пленяет умом, юным сердцем, прелестным лицом, стройным станом» [Бальзак 1952: 613; перевод М. Казас].

сами не забывайте навек Вам преданного, курящего в Лазенках³³, под Вашей шинелью.

Головин, по-военному, дал мне только два часа времени! [РГАЛИ. Ф. 195. Оп 3. № 47. Л. 51–51 об.]

Не беремся судить, какова степень адекватности передачи прямой речи графа Дарема; важнее уяснить задачу, руководившую автором письма. В-первых, само суждение о превосходстве Паскевича перед главными героями современности мотивировано весьма нетривиально — наличием у фельдмаршала тех возвышенных качеств, благодаря которым он смог оценить независимый ум и откровенность Козловского (несмотря на прежний его либерализм) и завязать с ним *дружбу*. Во-вторых же, дополнительную весомость этому высказыванию обеспечивает ссылка на английского посла, заслужившего, как было известно Паскевичу, благоволение императора.

Кредиты Дарема еще более возросли, когда в Петербург пришло сообщение о первом заседании новой сессии британского парламента, которое 23 января / 4 февраля 1836 г. открылось упомянутой Козловским «речью Аглинского короля» Вильгельма IV (1765–1837). 24 февраля Барант писал де Брюю:

Речь короля Англии, адрес обеих палат, обсуждение, речи лорда Пальмерстона и в особенности лорда Мельбуерна вызвали величайшее удовлетворение, ибо здесь ожидали совсем другого. Опасались, что сделаны будут резкие и враждебные заявления против России, а министры не станут возражать. Спокойный и сдержанный тон, взятый парламентом, еще улучшил здешнее положение лорда Дарема, ибо результат этот можно во многом приписать сведениям, им предоставленным, его ходатайствам перед министрами и советам, которые он дал своим друзьям. Чем дольше я наблюдаю за политическим положением России, тем больше сознаю, какое значение здесь придают Англии [Barante 1895: 299]³⁴.

3

Паскевич приехал в Петербург 17/29 апреля 1836 г. [СПб. Вед. 1836, 19 апреля. № 86: 365]. Император, величавший фельдмаршала своим «отцом-командиром»³⁵, тоже ждал его — в частности для того, чтобы принять

³³ Лазенки — дворцово-парковый комплекс в центре Варшавы.

³⁴ К этому моменту на посту министра иностранных дел де Брюя уже сменил А. Тьер, но Барант еще не был об этом осведомлен.

³⁵ В 1821 г. генерал-лейтенант Паскевич вступил в должность начальника 1-й гвардейской дивизии, одной из бригад которой командовал великий князь Николай Павлович; в январе 1822 г., приняв обязанность командира Гвардейского корпуса, Паскевич передал Николаю Павловичу командование 1-й гвардейской дивизии, см.: [Щербатов 1888–1904. I: 355–356, 361].

окончательное решение о новой поездке в Варшаву, с которой в дипломатических кругах связывались надежды на смягчение прежнего курса в отношении Царства Польского³⁶. Эта атмосфера вполне благоприятствовала ходатайствам в пользу Козловского перед Николаем I, однако ситуация осложнялась незавидной репутацией отставного дипломата.

Император Николай Павлович, — вспоминал Вяземский, — вероятно, не имел сначала особенного благорасположения к Козловскому. Его двадцатилетнее и более пребывание за границею, молва о его резких и не всегда, по мнению государя, правомыслящих суждениях, молва о крайнем либерализме его, все это служило камнями преткновения, которые Козловскому было трудно переступить [Вяземский 1882: 252].

Впрочем, по свидетельству того же мемуариста, однажды, встретив Козловского в Михайловском дворце, император обошелся с ним вполне милостиво.

Он <Николай I> спросил его, зачем хочет он поселиться и служить в Варшаве. «Чтобы проповедовать полякам любовь к Вашему Величеству и к России». — «Ну, — сказал ему на то император, улыбаясь, — как вы ни умны, а при всем уме и дарованиях ваших, вероятно, цели вы своей не достигнете [Там же: 254–255].

Хотя предубеждение императора отнюдь не развеялось³⁷, в мае 1836 г. он все-таки дал санкцию на испрашиваемое назначение: согласно формулярному списку, 6/18 июня 1836 г. Козловский был «определен вновь в Министерство иностранных дел и повелено ему состоять при наместнике Царства Польского» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 50. Л. 2 об.]³⁸.

Если верить заявлению Нессельроде, переданному английским послом в Лондон, именно «пожелания» последнего определили успех дела [New 1929: 296], но поскольку инструкция главы Форин Офиса виконта Г. Дж. Паль-

---

³⁶ См депешу Баранта Тьеру от 8/20 апреля 1836 г. [Varante 1895: 349]. Запланированный визит Николая I в Варшаву сорвался: 26 августа 1836 г. дорогой из Пензы в Тамбов его коляска опрокинулась, и в течение двух недель император пролежал с переломом ключицы в уездном городе Чембар.

³⁷ В январе 1837 г. в варшавской «Всеобщей газете» («Gazeta Powszechnia») появились статьи, трактовавшие институт самодержавия «в таких выспренных и преувеличенных выражениях, что возможно было предположить даже скрытую иронию. Государь, прочитав эти статьи, был ими крайне недоволен и заподозрил в составлении их князя Козловского, старого и замечательно образованного и умного дипломата, к которому государь не благоволил, но который жил у князя Варшавского в качестве друга дома, состоя при нем по особым поручениям. Фельдмаршал спешил успокоить Государя и оправдать не повинного в этой журнальной бестактности князя Козловского» [Щербатов 1888–1904. V: 175–176].

³⁸ В печатном сообщении фигурирует другая дата — 22 июня (см.: [СПб. Вед. 1836. № 139, 23 июня: 617]).

мерстона предписывала Дарему вообще не касаться польской темы в разговорах с Николаем I (см.: [Reid 1906: 44]), можно предположить, что посредниками в данном случае выступали сам вице-канцлер и фельдмаршал. О том, кто из них был наиболее активен, косвенным образом свидетельствует депеша Дарема Пальмерстону от 30 мая / 11 июня 1836 г.:

Я несколько раз беседовал с графом Нессельроде, а также с фельдмаршалом Паскевичем о Польше и склонял их обоих, насколько позволял этот щекотливый предмет, к мягкой и примирительной политике по отношению к этой несчастной стране. С фельдмаршалом Паскевичем у меня был длинный разговор перед его отъездом в Варшаву. Я убеждал его использовать все возможности для того, чтобы публично опровергнуть, на деле и на словах, распространяющиеся по всей Европе и заслуживающие доверия сообщения о русских строгостях. Я напомнил ему, что в наше время, когда общественное мнение всемогуще и вездесуще, ни одно правительство не может прикрываться тем, что называется благопристойным молчанием, и воздерживаться от прямых или косвенных объяснений и опровержений, которых требуют его честь и репутация. Его превосходительство не возражал на это; напротив, он заявил, что высказал такое же мнение императору.

Через короткое время князь Козловский сообщил мне, что император причислил его к Совету фельдмаршала и что он собирается проследовать в Варшаву. Ранее князь был русским посланником в Турине, но в последнее время находился не у дел. В прошлом году он прожил несколько месяцев в Варшаве, и, согласно сообщениям полковника Барнетта³⁹, будучи очень близок к фельдмаршалу, неизменно и успешно употреблял свое влияние в пользу поляков [Ibid.: 50–51].

В книге Г. П. Струве эта депеша цитируется в несколько ином переводе и без ссылки на источник, зато она имеет продолжение, отсутствующее в своде документов, опубликованном Стюартом Рейдом. Пользуясь, по всей вероятности, текстом оригинала, который хранится в архиве Форин Офиса, Струве дал только русский перевод заключительной фразы:

Он замечательно хорошо говорит и пишет по-английски и по-французски, и у меня есть основания думать, что он получил это назначение, дабы облегчить передачу тех объяснений, о которых я говорил выше [Струве 1950: 28].

В окружении Паскевича не сомневались, что в этом деле он сыграл решающую роль. Оказавшись в Варшаве, Александр Тургенев писал брату Николаю 6/18 июля 1836 г.:

³⁹ Полковник Ч. Дж. Барнетт был в то время британским консулом в Варшаве. Рассказ о том, как с помощью Козловского однажды была улажена размолвка Паскевича и Барнетта, см.: [Вяземский 1882: 237–238].

Фельдмаршал добился от императора, чтобы Козловского сделали при нем *чиновником по особым поручениям*, прибавили ему к пенсии десять тысяч золотых жалования, а также, возможно, и квартиру; он придет сюда осенью [РО ИРЛИ. Ф. 309. № 950. Л. 29; ориг. по-фр., кроме слов, взятых в курсив].

Столь же категорично — но с противоположной точки зрения — чуть позже высказался граф Фикельмон. 7(19) ноября 1836 г. он сообщал канцлеру князю К. Л. фон Меттерниху:

Князь Козловский, который в настоящее время находится в Варшаве, исповедует те же религиозные принципы, что и Чаадаев⁴⁰. Я знаю, что он уехал отсюда с намерением использовать то доверие, которое испытывает к нему фельдмаршал Паскевич, чтобы попытаться смягчить политику по отношению к католикам. Его пребывание в Варшаве может наделать много зла и в других отношениях. Весьма опасно допускать контакт между человеком подобных убеждений и поляками. Его пригласил фельдмаршал; здесь никто не прочил ему такого положения [Kauchtschischwili 1968: 204; ориг. по-фр.].

Опасения Фикельмона оказались не беспочвенными. В промежуток между 10 и 13 августа 1836 г. Козловский отбыл из Петербурга в Варшаву [СПб. Вед. 1836. Прибавления. № 192, 25 августа: 1669], где провел остаток жизни в той роли, для которой Паскевич нашел точное определение: «адвокат проигранных тяжб» (“*avocat des causes perdues*” [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 3. № 54. Л. 31]).

Литература и источники

АВПРИ: Архив внешней политики Российской империи.

РГАЛИ: Российский государственный архив литературы и искусства.

РО ИРЛИ: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).

МАЕ: Ministère des affaires étrangères La Courneuve (Paris).

BN. NAF: Bibliothèque Nationale. Nouvelles acquisitions françaises (Paris).

---

⁴⁰ В начале октября 1836 г. на страницах журнала «Телескоп» (т. XXXV. № 15) увидело свет первое «Философическое письмо» Чаадаева, из содержания которого Фикельмон мог сделать вывод о приверженности автора к католицизму. Что же касается *религиозных принципов* Козловского, то сам он не распространялся на эту тему, и, по всей вероятности, австрийский посол питался слухами, циркулировавшими в великосветских кругах. Точная дата перехода Козловского в католичество до сих пор неизвестна; по одной из версий, его обращение произошло около 1803–1805 гг. в Риме.

Барабтарло 1996: *Барабтарло Г.* Английское междометие (Заметки о посольстве лорда Дуррама в Петербурге в последние годы жизни Пушкина) // Новый журнал. 1996. Кн. 197. С. 75–98.

Бальзак 1952: *Бальзак О. де.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1952. Т. 3.

Вольтер 1999: *Вольтер.* Истории Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России / Пер. Д. Соловьева. СПб., 1999.

Вяземский 1882: *Вяземский П. А.* Князь Козловский // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. VII. С. 231–257.

Вяземский 1984: *Вяземский П. А.* Князь Петр Борисович Козловский // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 154–162.

Дмитриев 1898: Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. <...>. СПб., 1898.

Дурылин 1939: *Дурылин С.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 33/34. С. 215–330.

Козловский 1997: *Козловский П. Б.* Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведшего в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года / Пер. В. А. Мильчиной; публ. и коммент. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата. М.: ИЦ-Гарант, 1997.

Корсакова, Носков 2019: *Корсакова Н. Л., Носков В. В.* Список дипломатического корпуса в С.-Петербурге 21 января 1837 г. // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2019. Вып. 33. С. 13–62.

Корф 2010: *Корф М. А.* Дневники 1838 и 1839 гг. / Изд. подгот. И. В. Ружицкая. М.: Рубежи XXI, 2010.

Корф 2017: *Корф М. А.* Дневник за 1840 год / Изд. подгот. И. В. Ружицкая. М.: Квадрига, 2017.

Летопись 1999: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / Сост. Н. А. Тархова. М.: Слово, 1999. Т. 4.

Мильчина 2004: *Мильчина В.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион, 2004.

Мильчина, Осповат 1990: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Из наследия П. Б. Козловского // Тютчевский сборник. Таллинн, 1990. С. 296–311.

Мильчина, Осповат 1999: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* К истории пушкинского перевода из Ювенала (князь Козловский – Байрон – Пушкин) // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 132–139.

Мильчина, Осповат 2010: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Из полемики 1830-х гг. вокруг панславянской идеи (Князь П. Б. Козловский против графа Адама Гуровского) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Изд-во Пушкинского дома; ИД Петрополис, 2010. С. 168–183.

Пугачев 1963: *Пугачев В. В. Князь П. Б. Козловский и декабристы* // Ученые записки Горьковского гос. университета. Сер. ист.-филологическая. № 58. 1963. С. 477–500.

Пушкин 1937–1949. I–XVI: *Пушкин*. Полн. собр. соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. I–XVI.

Рос. архив 2011: Российский архив. Новая серия. М.: Российский фонд культуры, 2011. Т. ММХ.

Россия под надзором 2006: Россия под надзором: Отчеты III Отделения, 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербатова. М.: Российский фонд культуры, 2006.

СПб. Вед.: Санкт-Петербургские ведомости.

Струве 1950: *Струве Г.* Русский европеец: Материалы для биографии и характеристики князя П. Б. Козловского. Сан-Франциско: Дело, 1950.

Френкель 1978: *Френкель В. Я.* Петр Борисович Козловский. Л.: Наука, 1978.

Хроника 2016: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 3. Кн. 1.

Щербатов 1888–1904. I–VII: *Князь <А. П.> Щербатов*. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. СПб., 1888–1904. Т. I–VII.

Barante 1895: *Barante P. de. Souvenirs*. Paris : Calmann Lévy, 1895. Т. 5.

Ingle 1976: *Ingle H. N. Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844*. Berkeley a. o.: University of California Press, 1976.

Kauchtschischwili 1968: *Kauchtschischwili N.* Il diario di Dar'ja Fedorovna Fiquelmont. Milano: Vita e pensiero, 1968.

Lieven – Grey 1890: *Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey* / Ed. and Translated by Guy Le Strange. London: Richard Bentley 1890. Vol. III.

New 1929: *New Ch. W.* Lord Durham: A Biography of John George Lambton, First Earl of Durham. Oxford: Clarendon Press, 1929.

Reid 1906: *Reid St. J.* Life and Letters of the First Earl of Durham, 1792–1840. Vol. II. London a. o.: Longman, Green, and Co, 1906.

Simmons 1966: *Simmons J. S. G.* Turgenev and Oxford // *Oxoniansia*. 1966. Vol. XXXI. P. 146–151.